

УДК 82-14, 821.111

**СИМВОЛИКА РОЗЫ В ОДНОИМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ
УИЛЬЯМА БАТЛЕРА ЙЕЙТСА**

© 2018 г.

Е.И. Полуднева, Г.И. Модина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

joanna90@mail.ru

Поступила в редакцию 27.03.2017

Рассматриваются некоторые аспекты символики «Розы» в одноименном поэтическом сборнике Уильяма Батлера Йейтса. «Роза», являясь одним из наиболее распространенных мифопоэтических символов, становится одним из важнейших символов-лейтмотивов в поэзии Йейтса и, помимо традиционной символики, получает иные трактовки, субъективные, связанные не только с историко-культурным, но и биографическим контекстом. Авторы приходят к выводу, что символ «розы» в творчестве Йейтса глубоко биографичен, а также соединяет в себе христианскую, языческую и оккультную символику, являясь внеконфессиональным символом, символом, примиряющим народы и эпохи, отражением космополитических взглядов самого поэта.

Ключевые слова: Йейтс, символизм, роза, поэтика.

Поэтический сборник «Роза» (1893) принадлежит раннему, наименее изученному в отечественном литературоведении периоду творчества Уильяма Батлера Йейтса. Сборнику предшествовала опубликованная в 1889 году книга стихотворений, озаглавленная «Перекрестки». В ней Йейтс представляет мир сложным сплетением, «перекрестком» культурных традиций и вместе с тем подчеркивает его единство: образ души поэта, исполненной любви, печали и чувства одиночества, объединяет стихи индийского цикла, ирландские баллады и вариации на тему античной идиллии. Мотивы любви, одиночества и печали пронизывают второй сборник стихотворений, но лейтмотивом его стал символический образ розы.

Поэтическую систему Йейтса отличает органичная связь символизма и мистицизма [1, с. 320; 2, р. 48]. «Йейтс не считает поэзию замкнутой на самой себе, со своими собственными ритуалами и собственным значением, — отмечает С. Боура. — Он видит в ней часть более обширной сферы, способ коммуникации с духовным миром, который находится за пределами видимого. Поэт для него — медиум, интерпретатор незримого, а поэзия — череда откровений, данных ему» [3, р. 185].

Поэтическая символика, полагает Йейтс, прямо связана с глубоким философским осмыслением мира, ясным представлением об истине. В символе он находит способ выражения сокровенного, истинной сути явлений [4, р. 243, 303]. Йейтс различает символы «эмоциональные» и символы «интеллектуальные». Истинно поэтическими называет он символы интеллектуальные: «символы эмоциональные читатель наблю-

дает со стороны, видит в них внешние события. Интеллектуальные символы приобщают разум к чистому интеллекту, он духовно соединяется с ними» [4, р. 252]. К таким символам принадлежит заглавный образ второго поэтического сборника Йейтса «Роза».

Сборник составили стихи о любви («Печаль любви», «Сожаление о любви», «Белые птицы»), поэтические переложения кельтских сказаний («Битва Кухулина с морем», «Фергус и Друид», «Кто вслед за Фергусом?»), мечты об идиллической прекрасной стране. Патриотическая тема возникает в последнем стихотворении — «К Ирландии грядущих времен». Заглавный образ возникает в первых трех стихотворениях: «К Розе на распятии времени», «Роза мира», «Роза войны».

Роза — сложный амбивалентный символ, ее образ соединяет в себе понятия небесного совершенства и земной страсти, времени и вечности, жизни и смерти, плодородия и девственности, несет в себе сочетание мифологической и христианской традиции [5, с. 136]. Эти значения несет в себе образ Розы в книге Йейтса.

В названии первого стихотворения сборника «К Розе на распятии времени» звучит «розенкрейцеровское» значение символа: страдания, искупление, возрождение, духовная сила, тайное братство. Йейтс имел насыщенный и многообразный эзотерический опыт. Он посещал Дублинское герметическое общество, Теософское общество Е.П. Блаватской в Лондоне, ложу Золотой Зари, был постоянным участником спиритических сеансов как в Дублине, так и в Лондоне, развивал в себе медиумические способности [6, с. 64; 7, р. 126–158; 8, р. 89–112].

Одновременно с «розенкрейцеровской» символикой здесь возникает связь с ирландской фольклорной традицией, где красная роза ассоциируется с героическим веком Ирландии, сохраняя при этом свойственное ирландской народной поэзии символическое выражение печали. Лирический герой с грустью говорит о давно ушедших героических временах:

To The Rose Upon The Rood Of Time
 Red Rose, proud Rose, sad Rose of all my days!
 Come near me, while I sing the ancient ways:
 Cuchulain battling with the bitter tide;
 The Druid, grey, wood-nurtured, quiet-eyed,
 Who cast round Fergus dreams, and ruin untold;
 And thine own sadness, where of stars, grown old
 In dancing silver-sandalled on the sea,
 Sing in their high and lonely melody [9, p. 99].
 Печальный, гордый, алый мой цветок!
 Приблизься, чтоб, вдохнув, воспеть я мог
 Кухулина в бою с морской волной –
 И вешего друида под сосной,
 Что Фергуса в лохмотья снов облек, –
 И скорбь твою, таинственный цветок,
 О коей звезды, осыпаясь в прах,
 Поют в незабываемых ночах¹.

В стихотворении «К Розе на распятии времени» намечается пространственное значение ключевого символа сборника: роза предстает сакральным центром мира, где соединяется прошлое, настоящее и будущее. Пространство сборника организовано контрастными мотивами любви и ненависти, земного и небесного, вечного и преходящего. В сознании поэта они неотделимы друг от друга.

В стремлении к истине и Вечной Красоте лирический герой призывает небесную мистическую розу: «Come near, that no more blinded by man's fate, / I find under the boughs of love and hate, / In all poor foolish things that live a day, / Eternal beauty wandering on her way» («Приблизься, дабы не ослепленный более людской судьбой, / Я смог найти среди ветвей любви и ненависти, / Во всех несчастных глупых созданиях, что живут лишь день, / Вечную красоту, что странствует своей дорогой»).

И вместе с тем он ищет красоты земной, и земная роза с ее нежным ароматом – знак отражения вечной красоты в обыденном.

«Роза» в ранней символике Йейтса сохраняет значения, свойственные христианской мифологии: Мистическая Роза – Богородица, шипы розы – грехи [10, с. 386–387], и вместе с тем ее образ связан с языческой кельтской традицией: роза – символ Эрина, то есть Ирландии, и знак мистической «любви сильнее смерти», о какой повествуется в саге о Дейрдре [11]. Йейтс представлял древние легенды, народные поверья в

преображающем их мистическом свете, а мистицизм воспринимал сквозь призму фольклорной традиции. По словам В.В. Хорольского, «Приход «розы» должен был ознаменовать собой наступление гармонии» [12, с. 94], гармонии между христианской и языческой традицией, между старым и новым миром, между нациями и религиями.

В стихотворении «Роза мироздания» возникает несколько историко-мифологических пластов. Поэт стремится передать целостное восприятие времени, связать два мира – исторический и мифологический, кельтскую мифологию и христианство. Лирический герой вспоминает о «падшей Трое» и «детях Усны, что уже мертвы» и при этом призывает небесных архангелов поклониться «Розе мироздания»:

Who dreamed that beauty passes like a dream?
 For these red lips, with all their mournful pride,
 Mournful that no new wonder may betide,
 Troy passed away in one high funeral gleam,
 And Usna's children died.
 We and the labouring world are passing by:
 Amid men's souls, that waver and give place
 Like the pale waters in their wintry race
 [9, p. 109].

О, кто сказал, что красота минует, словно сон?
 Тоскуют алые уста, надменны и скорбны,
 О том, что мир не посетят чарующие сны
 С тех пор, как траурным костром взметнулся
 Илион

И пали Уснеха сыны.

И мы в тревогах и трудах рассеемся, как дым,
 Но среди обликов людских, струящихся
 с земли,
 Под брэнной пеною небес, где звезды отцвели,
 Меж вереницы бледных волн под ветром
 ледяным

Пребудет одинокий лик².

Йейтс – поэт, чьи произведения глубоко субъективны, и символика розы может быть понята не только с учетом историко-культурного, но и биографического контекста. В стихотворении «Роза мироздания» этот образ приобретает еще один смысл: она олицетворяет возлюбленную поэта – Мод Гонн, сыгравшую огромную роль в его жизни [8, p. 135–162].

Роза мироздания в этом стихотворении становится воплощением любви и Вечной Женственности. Любовь лирического героя одновременно прекрасна и трагична, как и облик его возлюбленной, – не случайно поэт говорит о «трагической гордости» («mournful pride») ее губ.

Мифологический подтекст стихотворения связан с образом Дейрдре из саги «Судьба детей Усны». Об этом говорит строка «Пали Уснеха сыны». Дейрдре олицетворяет собой образ верной, вечно юной возлюбленной, а сама жизнь

героев саги «Судьба детей Усны» для Йейтса являлась возвышенным идеалом любви. Йейтс-символист, по словам В. Хорольского, в «Розе мира» [«Розе мироздания»] намекает на сверхъестественную, мистическую природу образа своих переживаний, намеренно не поясняя смысл этих переживаний [12, с. 98], называя их «смутными, неясными» (dim). Мистический образ передается посредством ассоциации возлюбленной с мифологической героиней.

В поэзии Йейтса образ Мод Гонн ассоциируется не только с героинями ирландских мифов и легенд, но и с персонажами античной мифологии. Образ возлюбленной поэта существует как бы вне времени и пространства, является непреходящим понятием, частью мироздания, что характерно для лирики Йейтса на протяжении всего его творческого пути.

В стихотворении «Печаль любви» поэт уподобляет возлюбленную античным героям:

A girl arose that had red mournful lips
And seemed the greatness of the world in tears,
Doomed like Odysseus and the labouring ships
And proud as Priam murdered with his peers [9, p. 117].

Восстала дева с горькой складкой рта
В великой безутешности своей –
Как царь Приам пред гибелью, горда,
Обречена, как бурям Одиссей³.

Стихотворение «Печаль любви» перекликается с циклом Уильяма Вордсворта «Люси». В третьей части «Люси» образ возлюбленной ассоциируется с Родиной:

Among the mountains did I feel
The joy of my desire;
And she I cherish'd turn'd her wheel
Beside an English fire.
Thy mornings show'd, thy nights conceal'd,
The bowers where Lucy play'd;
And thine too is the last green field
That Lucy's eyes survey'd [13, p. 130].

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.

И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.
В твоих горах уютился дом.
Там девушка жила.
Перед родимым очагом
Твой лен она пряла.

В пятой части ее образ неотделим от мироздания:

No motion has she now, no force;
She neither hears nor sees;
Roll'd round in earth's diurnal course,
With rocks, and stones, and trees [13, p. 131].

Ей в колыбели гробовой
Веки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно⁴.

И в стихотворении Йейтса образ возлюбленной вырастает до мирового масштаба: «в слезах ее – величие мира» [9, p. 117].

В стихотворении *The Rose of Peace* роза, символ Вечной Женственности и Красоты, воплощает гармонию двух вечно противоборствующих начал: ада ирая: «And God would bid His warfare cease, / Saying all things were well; / And softly make a rosy peace, / A peace of Heaven with Hell». («И Господь повелел бы войну прекратить, / Сказав, что все было не зря; / И установил бы светлый мир, / Мир между Раем и Адом»).

В этом сказалось стремление Йейтса примирить нации, устранить религиозные противоречия, привести к гармонии мир, раздираемый войнами, забывший свои корни. В одной из своих ранних статей «Кельтский элемент в литературе» Йейтс с горечью пишет о том, что люди утратили гармонию души и природы, которую имели древние: «они смотрят на природу без всякого восторга – лишь с той привязанностью, что испытывает человек к саду, где он прогуливается изо дня в день, и мысли его во время оных прогулок исполнены приятности. Они <...> больше интересуются друг другом, чем миром вокруг, и он отступает для них на задний план, выцветает, оставаясь вполне дружелюбным, вполне уютным – это видение людей, позабывших древние культы» [14, с. 26].

Итак, символика розы в книге Йейтса связана с его ранним увлечением философией розенкрейцеров, однако отождествление образного мира Йейтса тех лет с его практическим «окультуриванием» вряд ли справедливо. Особенность поэтики Йейтса – органическое единство традиций христианства, язычества, европейского мистицизма. Роза олицетворяет и родную поэту Ирландию, и одновременно становится «источником мистических переживаний» [1, с. 318], воплощением священной красоты и тайны мироздания. Возникая в каждом стихотворении, образ розы приобретает все новые оттенки смысла и становится лейтмотивом, организующим многомерное художественное пространство сборника.

Символ розы лейтмотивом проходит через все творчество Йейтса. Возникший в раннем поэтическом сборнике миф о розе – символе гармонии и Вечной Женственности – найдет продолжение в прозаическом сборнике «Тайная Роза» (1897), названном поэтом «провидческой книгой» [Йейтс, 2014, с. 191].

Примечания

1. Перевод Г. Кружкова.
2. Перевод А. Блейз.
3. Перевод Г. Кружкова.
4. Перевод С. Маршака.

Список литературы

1. Огнев Д.А. Мифопоэтика образа розы в творчестве У.Б. Йейтса и Н.С. Гумилева // Держачевские чтения – 2014. Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций. Екатеринбург, 2015. С. 318–321.
2. Stock A.G. W. B. Yeats. His Poetry and Thought. L.: Cambridge University Press, 1961. 254 p.
3. Bowra C.M. The heritage of symbolism. L.: MacMillan & co Ltd., 1962. 231 p.
4. Yeats W.B. Ideas of Good and Evil. L.: A.H. Bullen, 1903. 341 p.
5. Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л.: Худож. лит., 1939. 598 с.
6. Саруханян А.П. Проблемы рецепции классического наследия. Некоторые аспекты символического движения. У.Б. Йейтс и А. Блок: литературный генезис // Вопросы филологии. 2002. № 001. С. 58–65.
7. Mulvey-Roberts M. British Poets and Secret Societies. N.Y.: Routledge, 2014. 202 p.
8. Foster R.F. W.B. Yeats: A Life. Vol. 1. The Apprentice Mage 1865–1914. Oxford; New York: Oxford university Press, 1997. 704 p.
9. Yeats W.B. Early poems and stories. London: MacMillan and co. Ltd., 1925. 530 p.
10. Топоров В.Н. Роза // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 386–397.
11. Kinahan F. Yeats, Folklore and Occultism: Contexts of the Early Word and Thought. Boston: Unwin Hyman, 1988. xxiii + 255 p.
12. Хорольский В.В. Эстетизм и символизм в поэзии Англии и Ирландии рубежа XIX–XX веков. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1995. 144 с.
13. Wordsworth W., Coleridge S.T. Lyrical ballads and other poems: with an introduction and notes by M. Scofield. Ware: Wordsworth Editions Limited, 2003. 313 p.
14. Йейтс У.Б. Кельтский элемент в литературе // Видение: поэтическое, драматическое, магическое. М.: Логос, 2000. 768 с.
15. Йейтс У.Б. Кельтские сумерки. СПб.: Азбука, 2014. 256 с.

**THE SYMBOLISM OF THE ROSE IN THE EPONYMOUS
WILLIAM BUTLER YEATS' VERSE COLLECTION**

E.I. Poludneva, G.I. Modina

The article reveals some aspects of the Rose's symbolic meanings in William Butler Yeats' eponymous verse collection. The Rose, one of the most widespread mythopoetical symbols becomes one of the most important symbols-leitmotifs in Yeats' poetry. In addition to the traditional symbolic meaning, it acquires some other, subjective aspects that are related not only to the historical and cultural, but also to the biographical context. The authors come to the conclusion that «the Rose» symbol is deeply biographical in Yeats' works and also combines Christian, pagan and occult symbolism. In fact, it is a nondenominational symbol which reconciles the nations and epochs, being a reflection of the poet's cosmopolitan views.

Keywords: Yeats, symbolism, rose, poetics.

References

1. Ognev D.A. Mifopoehtika obraza rozy v tvorchestve U.B. Jejsa i N.S. Gumileva // Dergachevskie chteniya – 2014. Russkaya literatura: tipy hudozhestvennogo soznaniya i dialog kul'turno-nacional'nyh tradicij. Ekaterinburg, 2015. S. 318–321.
2. Stock A.G. W. B. Yeats. His Poetry and Thought. L.: Cambridge University Press, 1961. 254 p.
3. Bowra C.M. The heritage of symbolism. L.: MacMillan & co Ltd., 1962. 231 p.
4. Yeats W.B. Ideas of Good and Evil. L.: A.H. Bullen, 1903. 341 p.
5. Veselovskij A.N. Izbrannye stat'i. L.: Hudozh. lit., 1939. 598 s.
6. Saruhanyan A.P. Problemy recepcii klassicheskogo naslediya. Nekotorye aspekty simvolicheskogo dvizheniya. U.B. Jejs i A. Blok: literaturnyj genезis // Voprosy filologii. 2002. № 001. S. 58–65.
7. Mulvey-Roberts M. British Poets and Secret Societies. N.Y.: Routledge, 2014. 202 p.
8. Foster R.F. W.B. Yeats: A Life. Vol. 1. The Apprentice Mage 1865–1914. Oxford; New York: Oxford university Press, 1997. 704 p.
9. Yeats W.B. Early poems and stories. London: MacMillan and co. Ltd, 1925. 530 p.
10. Toporov V.N. Roza // Mify narodov mira. Ehnciklopediya v 2 t. M.: Bol'shaya Rossijskaya Ehnciklopediya, 1997. T. 2. S. 386–397.
11. Kinahan F. Yeats, Folklore and Occultism: Contexts of the Early Word and Thought. Boston: Unwin Hyman, 1988. xxiii + 255 p.
12. Horol'skij V.V. Ehstetizm i simvolizm v poehzii Anglii i Irlandii rubezha XIX–XX vekov. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1995. 144 s.
13. Wordsworth W., Coleridge S.T. Lyrical ballads and other poems: with an introduction and notes by M. Scofield. Ware: Wordsworth Editions Limited, 2003. 313 p.
14. Jejs U.B. Kel'tskij ehlement v literature // Videnie: poehticheskoe, dramaticheskoe, magicheskoe. M.: Logos, 2000. 768 с.
15. Jejs U.B. Kel'tskie sumerki. SPb.: Azbuka, 2014. 256 s.